

С. В. Близнюк

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

КРЕСТОНОСНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Крестоносное движение охватывает около 500 лет европейской истории; крестоносная идея затронула все социальные группы Европы, стала частью рыцарской культуры. В работе выделяется два основных поворотных момента в истории крестоносного движения: Четвертый крестовый поход и завоевание Константинополя в 1204 г. и конец существования Латино-Иерусалимского королевства в 1291 г. Эти события заставили переосмыслить цели, задачи, направления крестоносного движения, расширить его географию. Крестовые походы позднего Средневековья в целом были более локальными, целенаправленными, прагматичными, расчетливыми, профессиональными и менее эмоциональными, нежели походы 1096–1291 гг. Развитие крестоносной активности заставляло европейцев искать объяснения и оправдания своим деяниям. Это привело к созданию легенд о своих предках на Востоке. Идея о троянском происхождении латинян и отмщения схизматикам-грекам становится одной из важнейших в крестоносной литературе XII–XIII вв. С нарастанием турецкой угрозы появляется идея о франкском происхождении турок. На смену троянцам Энея приходят троянцы-турки, а в XVI в. – друзы, которых считали потомками первых крестоносцев, сохранившихся в Святой земле. Планы новых крестовых походов XIV–XVI вв. и легенды о предках крестоносцев являлись питательной культурной средой, в которой сохранялась крестоносная идея. Демонстрация крестоносного благочестия и крестоносного рвения способствовала достижению социокультурных и политических целей королей и рыцарства. Через историческую память о предках крестоносцах, иллюзии и риторику о возвращении Святой земли или Константинополя, мифы и легенды крестоносная идея постепенно переходит от реальных войн в моральную категорию и становится психокультурным феноменом политико-интеллектуальной элиты европейского общества.

Ключевые слова: позднее Средневековье; крестовые походы; турки; троянцы; друзы; рыцарство

Цитирование: *Близнюк С. В.* Крестоносное движение в позднее Средневековье и раннее Новое время // Античная древность и средние века. 2022. Т. 50. С. 410–420. <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.023>

Поступила в редакцию: 13.08.2022

Принята к печати: 15.10.2022

Svetlana V. Bliznyuk

Moscow Lomonosov State University
Moscow, Russia

THE CRUSADING MOVEMENT IN THE LATE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN PERIOD

The crusading movement covers about 500 years of European history; the crusading idea affected all social groups in Europe and became an element of the knightly culture. This article highlights two main turning points in the history of the crusading movement: the Fourth Crusade and the conquest of Constantinople in 1204 and the end of the Latin Kingdom of Jerusalem in 1291. These events lead to rethinking of the goals, objectives, and directions of the crusading movement and to expanding its geography. The crusades of the Late Middle Ages were generally more local, purposeful, pragmatic, prudent, professional, and less emotional than the campaigns of 1096–1291. The development of crusading forced the Europeans to look for explanations and justifications of their deeds. This led to the creation of the legends of their ancestors in the East. The idea of the Trojan origin of the Latins and revenge to the schismatic Greeks became important in the twelfth- and thirteenth-century crusading literature. With the growing Turkish threat, the idea of the Frankish origin of the Turks appeared. The Trojans of Aeneas were replaced by the Trojan Turks, and in the sixteenth century by the Druze people, who were considered descendants of the first crusaders survived in the Holy Land. From the fourteenth to sixteenth century, the plans for new crusades and the legends concerning the ancestors of the crusaders were a nutritious cultural environment preserving the crusading idea. The demonstration of crusading piety and crusading zeal contributed to the achievement of the socio-cultural and political goals of kings and knights. Through the historical memory of the ancestors of the crusaders, illusions and rhetoric about the return of the Holy Land or Constantinople, the myths and legends, the crusading idea gradually passed from real wars into a moral category and becomes a psycho-cultural phenomenon of the political and intellectual elite of European society.

Keywords: Late Middle Ages; crusades; Turks; Trojans; Druze; knights

For citation: Bliznyuk, S. V. (2022). Krestonosnoe dvizhenie v pozdnee Srednevekov'e i rannee Novoe vremia [The Crusading Movement in the Late Middle Ages and Early Modern Period]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 50, 410–420. <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.023>

Submitted: 13.08.2022

Accepted: 15.10.2022

В современной историографии давно признано, что падение Акры в 1291 г., а вместе с ней Второго Иерусалимского королевства не является окончанием эпохи европейских крестовых походов. Наоборот, начинается новый период развития крестоносных идей, теорий и проведения новых крестоносных экспедиций по самым разным направлениям: Ближний Восток, Латинская Романия, Прибалтика, Северная Африка. Думается, уже нет необходимости доказывать тезис о продолжении крестоносного движения в XIV–XVI вв.

Современные историки немало сделали для исследования крестоносных идей позднего Средневековья, реальных крестоносных экспедиций этого времени и государств крестоносцев, которые продолжали существовать в Восточном Средиземноморье и Эгейде вплоть до конца XVI в. До тех пор, пока существуют государства крестоносцев, продолжает жить и крестоносная идея и не затухает крестоносное движение в Европе.

Поворотным моментом в истории крестоносного движения стал Четвертый крестовый поход (1202–1204), который заставил переосмыслить идеи, задачи, направления экспедиций и расширить географию крестовых походов. Если и можно и нужно говорить о плюралистическом подходе к изучению крестоносного движения, то эта история начинается именно после завоевания латинянами Константинополя и их судорожных поисков оправданий содеянного. С особой силой в крестоносной литературе зазвучал «троянский цикл» о коварных и жестоких греках, принесших так много зла и страданий предкам европейцев – троянцам, которые были побеждены не в открытом бою, а с помощью коварства и обмана. В средневековой Европе верили, что история римлян начинается с того момента, когда на Аппенинах появляются троянцы, которых сюда привел Эней из захваченной греками Трои. Эта идея зарождается еще в Античности, и «Троянский цикл» проходит красной нитью через всю литературу XII в. Именно так объясняет начало Рима Тит Ливий. Гальфрид Монмутский начинает свою «Историю бриттов» с того же самого рассказа о прибытии Энея в Италию и последующем расселении его потомков на прежде необитаемых Британских островах, откуда, таким образом, и произошли бритты. Подобные идеи можно найти и у Оттона

Крестоносное движение в позднее Средневековье и раннее Новое время Фрейзингенского¹. Взятие и разорение Константинополя крестоносцами в 1204 г., таким образом, является воздаянием грекам за их грехи, измену, коварство, высокомерие. «Троя принадлежала нашим предкам, – передает слова одного из крестоносцев Робер де Клари, – а те из них, кто уцелел, пришли оттуда и поселились в той стране, откуда пришли мы; и так как Троя принадлежала нашим предкам, то мы поэтому и прибыли сюда (в Константинополь. – С. Б.), чтобы завоевать землю»². Подобную же позицию высказывает Гюнтер Пэрисский, согласно которому, завоевание Константинополя – естественный реванш за несправедливость греков по отношению к троянцам³. Обвинение византийцев в схизме становится прекрасным дополнительным аргументом для доказательства правомерности захвата Константинополя крестоносцами. В XIV–XV вв. большинство латинских авторов, писавших о крестовых походах, считали, что обращение в католицизм схизматиков-греков было едва ли не более важным делом крестоносцев, чем борьба с неверными⁴. Таким образом, после завоевания крестоносцами Константинополя в 1204 г. в идеологию крестоносного движения вносятся концептуальные «поправки». Апостольский престол, а за ним и все будущие участники крестовых походов раздвигают границы крестоносного мира для ведения «священной войны». Отныне врагами веры мыслятся далеко не только неверные мусульмане, захватившие

¹ *Tut Livий*. История Рима от основания города / под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе. М., 1989. Кн. I. Гл. 1–3; *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина / под ред. А. Д. Михайлова. М., 1984. Гл. 6–18; *Otonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus* / Hrsg. A. Hofmeister. Hannoverae, 1912. S. 56–57.

² *Робер де Клари*. Завоевание Константинополя / под ред. М. Я. Заборова. М., 1986. С. 75; *La conquêt de Constantinople de Robert de Clari* / publ. par Ph. Laurent. Paris, 1924. Ch. CVI (101); *Bratianu G. J.* Le roman de Troie dans la Chronique de Robert de Clari // *Revue des études sud-est européen*. 1929. T. 4, No 1–3. P. 52–55; *Barlow J.* Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Bd. 29. S. 86–95.

³ *Gunther von Pairis*. *Historia Constantinopolitana* / ed. P. Orth. Hildesheim ; Zürich, 1994. P. 158–163.

⁴ *Chronica Albrici Monachi Trium Fontium* / Hrsg. P. Scheffer-Boichorst // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Hanover, 1874. T. 23. S. 942; *Luttrell A.* The Crusade in the Fourteenth Century // *Europe in the Late Middle Ages* / ed. T. Hale, R. Highfield, B. L. Smalley. London, 1965. P. 125.

Гроб Господень, но и любой, кого объявят врагом католической церкви: схизматики-греки, еретики внутри Европы, язычники в Прибалтике, мусульмане на Пиренеях или в Северной Африке и, конечно, в XIV в. к ним добавляются турки.

Рубеж XIII–XIV вв. – период очередного переосмысления задач крестоносного движения, связанного отныне с защитой того, что осталось в руках латинян. Если попытаться дать общую характеристику поздних крестовых походов, то в целом они были более локальными, более целенаправленными, более прагматичными, трезвыми, расчетливыми и куда менее эмоциональными, нежели походы 1096–1291 гг. Это уже не были экспедиции всего христианского мира в Святую землю. Небольшие военные отряды, приходившие из Европы на Восток, были способны оказать лишь незначительную единовременную помощь местным латинским правителям в защите их государств. Однако с точки зрения военного искусства эти отряды представляли собой значительно более организованное и дисциплинированное воинство по сравнению с разрозненными, пусть и многочисленными группами крестоносцев XII–XIII вв. Они были действенными, профессиональными, и их приход, несомненно, уже невозможно трактовать как военно-колониционное движение. Миграция европейского населения на Восток в позднее Средневековье продолжается. Это была миграция прежде всего средиземноморского купечества и горожан. Планы отвоевания Иерусалима, освобождения Святой земли возникали, но это были скорее пропагандистские лозунги, мало связанные с реальными целями реальных экспедиций.

В то же время, как и прежде, в Западной Европе продолжало существовать сословие – сословие рыцарства, которому идея «священной войны» оставалась не только близка, но она прочно укоренилась в его сознании. Знамя «священной войны» несло, прежде всего, французское рыцарство, во главе которого стоял «христианнейший» король. Этот эпитет-титул французские короли унаследовали от Людовика IX Святого. В XIV–XV вв. на французского короля вся Европа смотрела как на естественного лидера возможного крестового похода. В этом смысле можно говорить о национализации крестоносного движения, особенно применительно к Франции. Крестоносная идея во Франции продолжает развиваться даже в условиях Столетней войны. Доказательством тому могут

Крестоносное движение в позднее Средневековье и раннее Новое время стать сочинения Филиппа де Мезьера с его планами организации новой полномасштабной всеевропейской экспедиции на Восток и с его личным участием в походах кипрского короля Пьера I Лузиньяна⁵. Демонстрация благочестия и преданности крестоносной идее помогла Филиппу де Мезьеру стать сначала канцлером Кипра, а затем знаменитым теоретиком крестоносного движения и одновременно советником и воспитателем короля Франции. Это же поведение позволило сделать блестящую карьеру Жану II ле Менгру по прозвищу Бусико, ставшему сначала маршалом Франции, а затем и губернатором Генуи⁶. Пьер I Лузиньян и Амедей Савойский стали героями-крестоносцами, воспетыми в литературе. А король Франции Людовик IX, полностью проигравший все битвы и проваливший оба своих крестовых похода, демонстрируя глубочайшее благочестие и верность крестоносной идее, даже достиг святости. То есть «священная война» стала частью рыцарского идеала, проверкой рыцарской доблести, а заодно и великолепной возможностью сделать блестящую политическую карьеру.

Однако как бы глубоко ни проникла крестоносная идея в сознание рыцарства, сколь бы органичной она ни стала в его культурной парадигме, европейское общество в целом все равно постоянно искало объяснения и оправдания крестоносному движению и доказывало самому себе необходимость его продолжения. Отсюда появляются идеи отмщения за «предков троянцев», о которых шла речь выше, и поиск «своих» среди мусульман, против которых формально христиане столь гордо и долго поднимали крест.

В XIV–XV вв. главным врагом для латинян Востока становятся турки, против которых приходилось создавать морские союзы – «Священные лиги» – и объявлять крестовые походы, заканчивавшиеся, зачастую, крупным поражением христиан (Никополь 1396 г. и Варна 1444 г.). Все понимали реальную угрозу, исходившую от турок-османов. Поэтому вектор священной борьбы

⁵ Philippe de Mézières, Chancellor of Cyprus, *Le songe du vieil pèlerin* : in 2 vols. / ed. G. W. Coopland. Cambridge, 1969; *The Life of Saint Peter Thomas by Philippe de Mézières* / ed. J. Smet, O. Carm. Rome, 1954.

⁶ *Le livre des fais du bon messire Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, mareschal de France et gouverneur de Jennes* / publ. par D. Lalande. Genève, 1985; *Puncuh D. Il governo del Boucicaud nella lettera di Pileo de Marini a Carlo VI di Francia (1409)* // *Mélanges de l'École française de Rome: Moyen Âge, temps modernes*. 1978. T. 90 (3). P. 657–687.

с мусульманами будет направлен прежде всего против них⁷. В то же время, в отношении турок-османов парадоксальным образом получает свое развитие идея «с троянцами», но на смену троянцам Энея приходят троянцы-турки. В литературе XIV–XV вв. турок часто именуют тевкрами, считая этот термин видоизмененным названием троянцев на том основании, что они якобы обладали Троей. Против этого названия выступал папа Пий II (1458–1464), до вступления на Апостольский престол известный итальянский гуманист Эней Сильвий Пикколomini, который писал уже после падения Константинополя около 1458 г.: «...многие современные писатели, не только романисты и поэты, но даже историки делают ошибку, называя турок тевкрами. Я думаю это, вероятно, потому, что они сейчас владеют Троей, которую раньше населяли тевкры». На самом же деле, отмечает Пий II, «дикие скифы были предками турок»⁸. Однако и он будет обращаться в своих письмах к Мехмеду II как к «великому тевкру». Тем не менее, легенда о том, что турки имеют то же происхождение, что и франки, была весьма популярна и высказана она была еще хронистами XII в.⁹ Аргументом правильности такой идеи был факт признания за турками военных доблестей, мужества и героизма, сравнимых с военными достоинствами франков. В XIV–XV вв. именно за турками закрепляется роль тех же мстителей-троянцев вероломным грекам, как это было во время завоевания Константинополя франками в 1204 г. После падения Константинополя в 1453 г. Лаоник Халкокондил горько жалуется, что европейцы рассматривают это событие как справедливое воздаяние грекам за разрушение Трои¹⁰. Заметим, что это отношение к туркам как к тевкрам / троянцам в конце XIV–XV вв. станет не только

⁷ Близнюк С. В. Кипр и турецкая угроза: новая философия крестоносного движения // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. СПб. : Алетей, 2009. Вып. 7. С. 174–201; Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М., 2016. С. 101–130.

⁸ *Aeneas Silvius Piccolomini. Opera quae extant omnia*. Basel, 1551. P. 681 (Repr. Frankfurt am Main, 1967. P. 681); *Bisaha N. Pope Pius II and the Crusade // Crusading in the Fifteenth Century* / ed. N. Housley. London, 2004. P. 40–41.

⁹ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum* / ed. R. M. Hill. Oxford, 1962. P. 21; *William of Tyre. Chronicon* / ed. R. B. S. Huygens. Turnhout, 1986. P. 116–117; *Murray A. V. William of Tyre and the Origin of the Turks // Dei Gesta per Francos* / ed. M. Balard, B. Kedar, J. Riley-Smith. Aldershot, 2001. P. 217–229.

¹⁰ *Chalcocondylas Laonicus. Atheniensis historiarum de origine ac rebus gestis Turcorum* / ed. I. Bekkeri. Bonn, 1843. P. 400–401.

Крестоносное движение в позднее Средневековье и раннее Новое время литературно-поэтическим приемом¹¹. Такое наименование турок появляется в анналах и официальных документах, каковыми являются акты Секретного Архива Генуи или регистры Оффиции Провизионис Романии, постановления Венецианского Сената, официальные письма¹². Джорджио и Джованни Стелла даже специально отмечают, что название «тевкры» – более правильное. Именованье их «турками» анналисты считают вульгарной (общенародной) идиомой: «...Teucrorum eorum scilicet dominus, *quos idioma vulgare Turcos appellat*...»¹³. Тевкрами называют турок и служители церкви, например, Исидор Киевский и папа Пий II. То есть турки, конечно, страшные, опасные враги. Но одновременно они есть заблудшее племя, по их корням – «свои». Задача европейцев – объяснить им это, рассказать, доказать, вернуть к себе. Такое несколько романтическое отношение было чрезвычайно вредно для крестоносной идеи и развития крестоносной политики, направленной против турок¹⁴. Наверное, неслучайно самому Пию II не удалось организовать крестовый поход против османов после 1453 г. На его призыв откликнулась очень небольшая группа европейских крестоносцев.

Казалось бы, эта идея с турками-троянцами является историческим курьезом, который постепенно будет забыт. Однако Европа не перестанет искать среди турок «своих» и в XVI, и в XVII, и даже в XVIII вв. В это время на роль «своих», т. е. потомков крестоносцев в Святой земле, были назначены друзья, проживавшие в горах Ливана и на захваченной турками территории Сирии. Имея очень скудные представления о том, кто такие друзья на самом деле, европейцы начали называть друзей потомками франков, которые отступили из Иерусалима во время войн крестоносцев с Саладином в горы Ливана и основали там новую общину. От нее и выводилось

¹¹ Philippe de Mézières, Chancellor of Cyprus... Vol. 2. P. 424–427; *Pertusi A. La caduta di Costantinopoli. Le testimonianze dei contemporanei.* Verona, 1976. Vol. 1. P. 202, 204, 206, 210, 212.

¹² ASG. AS. Filza 3041. *Diversorum Communis Janue. Doc.* [без номера]; *Pertusi A. La caduta...* Vol. 1. P. 42, 58, 106, 108; Vol. 2. P. 20–21, 26, 28, 54, 92, 94, 100, 102, 104; *Balletto L. Liber Officii Provisionis Romanie.* Genova, 1424–1428. Genova, 2000. Doc. 15, 189, 209, 219.

¹³ *Stellae Giorgii et Iohannes Annales Genuenses / a cura di G. Petti-Balbi.* Bologna, 1975. P. 17, 77, 134, 243, 255, 260.

¹⁴ *Runciman S. Teuceri and Turci // Medieval and Middle Eastern Studies in Honour of Aziz Suryal Atiya / ed. S. Hanna.* Leiden, 1972. P. 344–348.

происхождение нового народа. Считалось, что друзские эмиры ведут свое происхождение от самого Готфрида Бульонского. В конце XVI в. это мнение прочно укоренилось в сознании европейцев. Венецианские путешественники этого времени Пьетро Кверини, Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле, совершившие паломничество в Святую землю в 1588 г., ни на минуту не сомневаются в правильности данного мнения и с легкостью воспроизводят его в своих записках¹⁵. Легенда о друзьях-крестоносцах распространяется в Европе, несомненно, с целью использовать их силы в каком-нибудь крестовом походе против турок. Предложения об организации таковых не иссякали ни в XVI, ни в XVII вв. Любопытно, что приблизительно в это же время выходит в свет сочинение францисканца Франческо Кварезми, адресованное испанскому королю Филиппу IV, с очень характерным названием: «Мольба поверженного и униженного Иерусалима Филиппу IV», – с планом об организации крестового похода для освобождения Святой земли от турок¹⁶. Тогда же эту легенду не прочь были поддержать и сами друзья. Это было им выгодно с политической точки зрения, когда они пытались искать союзников в Европе в борьбе против турок¹⁷.

Идея использовать местные народы в борьбе против неверных и их интеграции в *orbis christianorum* была не нова. В частности, и сами крестоносцы, и их последователи в Европе на протяжении многих веков пытались интегрировать в свою среду нубийские и эфиопские христианские общины¹⁸. То же самое касается и попыток использования сил друзов.

Понимали ли авторы подобных теорий, начиная с Филиппа де Мезьера и заканчивая Франческо Кварезми, что их предложения были всего лишь красивой благочестивой мечтой, иллюзией о возвращении Святой земли крестоносцами? Скорее всего, да. Тем не менее, их сочинения оставались той питательной культур-

¹⁵ РНБ. Итал. Q. IV. N. 2. F. 41v.

¹⁶ Jerusalem Afflicted. Quaresmius, Spain, and the Idea of a 17th Century Crusade / ed. Ch. Lahy, K. Tully. London ; New York, 2020.

¹⁷ *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким правлением в историческом и политическом отношениях. М., 1962. С. 31.

¹⁸ *Simmons A.* Latin Attempts at Integrating into the *Orbis Christianorum* of the Holy Land During the Twelfth to Fifteenth Centuries // *Legacies of the Crusades* / ed. T. K. Nielsen, K. V. Jensen. Turnhout, 2021. P. 137–156.

Крестоносное движение в позднее Средневековье и раннее Новое время ной средой, в которой сохранялась крестоносная идея и память о великих деяниях предков, которую всегда можно было использовать в политических целях современности. Демонстрация крестоносного благочестия и крестоносного рвения способствовала достижению социокультурных и политических целей. Через историческую память о предках крестоносцах, иллюзии и риторику о возвращении Святой земли или Константинополя, мифы и легенды крестоносная идея постепенно переходит из реальных войн в моральную категорию и становится психокультурным феноменом политико-интеллектуальной элиты европейского общества.

REFERENCES

- Aeneas Silvius Piccolomini (1551). *Opera quae extant omnia*. Basel: Henrich Petri (Repr. Frankfurt am Main: Minerva, 1967).
- Balletto, L. (2000). *Liber Officii Provisionis Romaniae. Genova, 1424–1428*. Genova: G. Brigati.
- Barlow, J. (1995). Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks. *Frühmittelalterliche Studien*, 29, 86–95.
- Bazili, K. M. (1962). *Siriia i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskoi i politicheskoi otnošeniakh* [Syria and Palestine under the Turkish Government in Historical and Political Terms]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Bekkeri, I. (Ed.). (1843). *Chalcocondylas Laonicus. Atheniensis historiarum de origine ac rebus gestis Turcorum*. Bonn: Impensis Ed. Weberi.
- Bisaha, N. (2004). Pope Pius II and the Crusade. In N. Housley (Ed.), *Crusading in the Fifteenth Century* (pp. 39–52). London: Palgrave Macmillan.
- Bliznyuk, S. V. (2009). Kipr i turetskaia ugroza: novaia filosofiia krestonosnogo dvizhenia [Cyprus and the Turkish Threat: A New Philosophy of the Crusading Movement]. In S. P. Karpov (Ed.), *Prichernomorie v srednie veka* (Iss. 7, pp. 174–201). St Petersburg: Aletea.
- Bliznyuk, S. V. (2016). *Korolevstvo Kipr i ital'ianskie morskoe respubliki v XIII–XV vv.* [The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics in the Thirteenth and the Fifteenth Centuries]. Moscow: Academia.
- Bratianu, G. J. (1929). Le roman de Trois dans la Chronique de Robert de Clari. *Revue des études sud-est européen*, 6(1–3), 52–55.
- Coopland, G. W. (Ed.). (1969). *Philippe de Mézières, Chancellor of Cyprus, Le songe du vieil pèlerin* (Vols. 1–2). Cambridge: University Press.
- Gasparov, M. L., & Knabe, G. S. (Eds.). (1989). *Tit Livii. Istoriia Rima ot osnovaniia goroda* [Titus Livius. A History of Rome from the Foundation of the City]. Moscow: Nauka.
- Hill, R. M. (Ed.). (1962). *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum*. Oxford: University Press.
- Hofmeister, A. (Ed.). (1912). *Otonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus*. Hannoverae: Hahn.
- Huygens, R. B. S. (Ed.). (1986). *William of Tyre. Chronicon*. Turnhout: Brepols.

Lahy, Ch., & Tully, K. (Eds.). (2020). *Jerusalem Afflicted. Quaresmius, Spain, and the Idea of a 17th Century Crusade*. London; New York: Routledge Taylor and Francis Group.

Lalande, D. (Ed.). (1985). *Le livre des fais du bon messire Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, mareschal de France et gouverneur de Jennes*. Genève: Droz.

Laurent, Ph. (Ed.). (1924). *La conquêt de Constantinople de Robert de Clari*. Paris: Champion.

Luttrell, A. (1965). The Crusade in the Fourteenth Century. In T. Hale, R. Highfield, & B. L. Smalley (Eds.), *Europe in the Late Middle Ages* (pp. 122–154). London: Faber and Faber.

Mikhailov, A. D. (Ed.). (1984). *Galfrid Monmuskii. Istorii Brittov. Zhizn' Merlini* [History of Britons. Merlin's Life]. Moscow: Nauka.

Murray, A. V. (2001). William of Tyre and the Origin of the Turks. In M. Balard, B. Kedar, & J. Riley-Smith (Eds.), *Dei Gesta per Francos* (pp. 217–229). Aldershot: Ashgate.

Orth, P. (Ed.). (1994). *Gunther von Pairis. Historia Constantinopolitana*. Hildesheim; Zürich: Weidmann.

Petti-Balbi, G. (Ed.). (1975). *Stellae Giorgii et Iohannes Annales Genuenses*. Bologna: Rerum Italicarum scriptores.

Pertusi, A. (1976). *La caduta di Costantinopoli. Le testimonianze dei contemporanei* (Vols. 1–2). Verona: Fondazione Lorenzo Valla, Arnoldo mondatori editore.

Puncuh, D. (1978). Il governo del Boucicaud nella lettera di Pileo de Marini a Carlo VI di Francia (1409). *Mélanges de l'École française de Rome: Moyen Âge, temps modernes*, 90(3), 657–687.

Runciman, S. (1972). Teucri and Turci. In S. Hanna (Ed.), *Medieval and Middle Eastern Studies in Honour of Aziz Suryal Atiya* (pp. 344–348). Leiden: Brill.

Scheffer-Boichorst, P. (Ed.). (1874). *Chronica Albrici Monachi Trium Fontium*. In *Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum* (Vol. 23, pp. 631–950). Hanover: Impensis bibliopolii Avlici Hahniani.

Simmons, A. (2021). Latin Attempts at Integrating into the Orbis Christianorum of the Holy Land During the Twelfth to Fifteenth Centuries. In T. K. Nielsen, & K. V. Jensen (Eds.), *Legacies of the Crusades* (pp. 137–156). Turnhout: Brepols.

Smet, J., & Carm, O. (Ed.). (1954). *The Life of Saint Peter Thomas by Philippe de Mézières*. Rome: Institutum Carmelitanum.

Zaborov, M. Ya. (Ed.). (1986). *Robet de Klari. Zavoevanie Konstantinopolia* [Robert de Clari. The Conquest of Constantinople]. Moscow: Nauka.

Близнюк Светлана Владимировна

доктор исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
119992, Москва, Ломоносовский пр., 27,
корп. 4
E-mail: svbliznyuk@mail.ru

Bliznyuk, Svetlana Vladimirovna

Dr. Hab. (History), Associate
Professor
Mediaeval History Department
Lomonosov Moscow State
University
27/4 Lomonosovsky Ave,
Moscow, 119992, Russia
Email: svbliznyuk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8533-0863>